
ИЗЪ ПУШКИНСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ВОСЕМЬ ПИСЕМЪ ПУШКИНА КЪ ДЕЛЬВИГУ

1823 — 1830 г.

Переписка Пушкина съ Дельвигомъ представляетъ драгоценный матеріалъ для біографій обоихъ поэтовъ и для изученія литературной дѣятельности Пушкина. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній великій поэтъ не высказывался съ такою искренностью и простотою, какъ въ письмахъ къ своему лицейскому товарищу и лучшему другу. „Никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига“, — писалъ онъ по его смерти къ Плетневу („Современникъ“, 1838 г., т. IX, стр. 63, отсюда письмо перепечатано во многихъ изданіяхъ), и потому въ письмахъ къ Дельвигу Пушкинъ высказывался весь. Въ этихъ задуманныхъ бесѣдахъ, посвященныхъ почти исключительно литературнымъ вопросамъ, и конечно, не назначавшихся для печати, выразились и необыкновенно тонкое критическое чувство, замѣчательное остроуміе, рѣдкое добродушіе и веселость, не повидавшая великаго поэта даже среди невзгодъ продолжительныхъ ссылки.

Переписка Пушкина съ Дельвигомъ, вслѣдствіе частой ихъ разлуки, была довольно обширна. Къ сожалѣнію, сохранилось весьма немного писемъ. Говорятъ, Пушкинъ и Баратынскій, разсматривавшіе бумаги по смерти Дельвига, уничтожили свои письма, и этимъ обстоятельствомъ, если оно справедливо, объясняется отчасти малочисленность писемъ Пушкина.

Предлагаемыя восемь писемъ 1823—1830 г. изъ Одессы, Михайловскаго и Болдина найдены въ бумагахъ Дельвига, и принадлежать П. В. Анненкову, которымъ были доставлены на Пушкинскую выставку въ С.-Петербургѣ въ октябрѣ 1880 г. (Каталогъ выставки, стр. 49). Шесть изъ нихъ напечатаны въ его „Матеріалахъ“ для

біографіи Пушкина съ значительными пропусками, вынужденными условіями тогдашней цензуры; остальные же два не изданы. Кромѣ этихъ писемъ напечатаны: одно въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1826 г. (стр. 101), три въ „Современникѣ“ 1854 г., сент., въ четвертой статьѣ о Дельвигѣ (стр. 10, 23 и 25), перепечатанныя въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 75, 194, 214 и 215, изд. 1873 г., стр. 69, 187, 207 и 208), и тамъ же (изд. 1855 г., стр. 81 изд. 1873 г., стр. 75) впервые явилось посланіе изъ Кишинева отъ 23 марта 1821 г.:

„Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!“

Вотъ почти все, что сохранилось изъ писемъ Пушкина къ Дельвигу.

I.

Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою, слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пушину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать-ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайнѣй мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ я живу по Азіатски не читая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты—прочелъ ихъ съ жадностію, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхваляю Господа—и украсу цвѣтами свой шалашъ—хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ—Сатира къ Гнѣд. мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасныя; въ нихъ мало перца; *Сомовъ безмундирный* непростительно. Просвѣщенному-ли человѣку, Русскому-ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостію писателя? Это шутка, достойная кол. совѣт. Измайлова. Жду также Полярной звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ Религіи и правительства: я полу-Хвостовъ: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго фонтана—онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязныя отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэмку, въ которой забалтываюсь до нѣльзя. Бируковъ ее не увидитъ, за то что онъ фи—дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда и мы прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ прицѣвъ моей жизни. Еслибъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу!

гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія—Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и италіанская опера! — Боже мой! это представители Рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.

А. П.

16 ноября.

Вели прислать мнѣ Нѣмецкаго *Плѣнника*.

Письмо на четырехъ страницахъ полу-листа, безъ адреса. Писано изъ Одессы въ 1823 г. Начало и конецъ его, и то съ пропусками, напечатаны въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (1855 г., стр. 94, а въ изд. 1873 г., стр. 89).

„Вдохновенное воспоминаніе дружбы“, надежда на Языкова и любовь къ музѣ Баратынскаго относятся къ слѣдующимъ строкамъ сонета Дельвига „Н. М. Языкову“:

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
 Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
 И первый я его услышалъ пѣнье,
 И за себя боговъ благословилъ.
 Пѣвца *Лирова* я съ музой подружилъ
 И славою ихъ горжусь въ вознагражденье.

Бируковъ—цензоръ, о которомъ Пушкинъ упоминаетъ въ слѣдующемъ письмѣ и въ четверостишіи: „Тимковскій царствовалъ“ („Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. 1880 г., т. I, стр. 451).

Новая поэма — „Евгеній Онѣгинъ“, о которомъ впервые упоминается въ этомъ письмѣ.

„Нѣмецкій Плѣнникъ“ — *Der Berggefangene*, переводъ „Кавказскаго Плѣнника“, вышедшій въ Петербургѣ въ 1823. Въ концѣ книги помѣщена „*Tscherkessenlied*“: „*Es wallt des Stromes Donnerflut*“, положенная на музыку Л. Мауреромъ. Второе изданіе явилось въ 1824 г. съ русскимъ текстомъ, но безъ музыкальнаго приложенія.

II.

Жду, жду писемъ отъ тебя—и недождусь—не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь оказіи? проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что-нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ нещастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Льв.—получилъ эти извѣстія безъ приуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи—утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства) Что дѣлаютъ мои *Разн. Стих.*? Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ

ни единой строчки; что мой Онѣгинъ? продается ли? къ стати: скажи Пл., чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи а не на комиссіи мои потому что это напрасно: такова бессовѣстнаго комиссіонера нѣтъ и не будетъ.—По твоёмъ отгѣздѣ перечелъ я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни Руской грамоты ни духа Русаго языка (вотъ почему онъ и нижѣ Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія, ни о слогѣ, ни о гармоніи—ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣситься всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ: *мысли, картины и движенія истинно поэтическія*; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по татарски—а Руской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ со временемъ переведенный изумить Европу а мы изъ гордости народной не скажемъ всего что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ) у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочее съечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова—жаль что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ—довольно объ Державинѣ—Что дѣлаетъ Жуковский? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-ой главѣ *Оны*., да о томъ, что у меня въ пальцахъ—какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта—его *мольникъ* хорошъ, какъ *Демьянъ и Тока*. Видѣлъ ли ты Н. М.? идетъ ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Роман?... 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я...

Письмо безъ подписи. На четвертой страницѣ адресъ: „Его высокоблагородію Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвиу. Въ С.-Петербургѣ. Въ *Имп. Публ. Библіотекѣ*“. Почтовый штемпель: Опочва 1825, іюня 8. Запечатано извѣстнымъ перстнемъ, находившимся на Пушкинскихъ выставкахъ въ Москвѣ и Петербургѣ 1880 г., и описаномъ въ каталогъ послѣдней (стр. 33).

Письмо это напечатано въ двухъ отрывкахъ и притомъ съ значительными пропусками въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 156 и 244, изд. 1873 г., стр. 149 и 237) и въ статьѣ „Пушкинъ въ лицей и лицейскія его стихотворенія“ („Современникъ“ 1863 г., № VIII, стр. 371).

„Бабушка Чичерина“—Варвара Васильевна, дочь полковника Василия Ивановича Чичерина, скончавшаяся въ 1824 г., и оставившая

наслѣдство племяннику своему, Василию Львовичу Пушкину. Петръ Львовичъ—его братъ, дядя поэта, артиллерійскій подполковникъ, скончался въ томъ же году.

„Разныя Стихотворенія“—числомъ 24 вошли въ книжку „Стихотворенія Александра Пушкина“, изданную въ 1826 г.

Первая глава „Евгенія Онягина“, посвященная брату поэта, Льву Сергѣевичу, вышла отдѣльною книжкою въ 1825 г.

Письмо это, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, болѣе всѣхъ другихъ вводитъ въ литературныя, задушевныя убѣжденія Пушкина. Замѣчательное по смѣлой и мѣткой характеристикѣ Державина, оно свидѣтельствуетъ, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ произошелъ совершенный переворотъ въ литературныхъ убѣжденіяхъ Пушкина, который еще въ 1815 г. на лицейскомъ экзаменѣ благоговѣлъ передъ Державинимъ. Такой же самостоятельный и вполне справедливый, хотя менѣе рѣзкій взглядъ на его произведенія, впервые высказанъ въ печати лѣтъ черезъ двадцать Бѣлинскимъ, который не могъ знать мнѣнія Пушкина—замѣчательное совпаденіе сужденій двухъ гениальныхъ умовъ. Хотя г. Анненковъ въ выносѣ къ этому письму и говоритъ, „что съ теченіемъ времени, накопленіемъ опытности, идей и развитіемъ мыслящей способности, Пушкинъ измѣнилъ свои сужденія о Державинѣ“, но мы этого не видимъ, и считаемъ подобную оговорку уступкой цензурѣ, чтобъ спасти остальную часть письма.

Вторая глава „Евгенія Онягина“ была сообщена Жуковскому въ рукописи, и напечатана отдѣльно въ 1826 г.

„Мѣльничъ“—басня Крылова, напечатанная въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 г. (стр. 374).

Н. М.—Карамзинъ.

III.

Сей часъ узнаю что ты во мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло, дай Богъ, чтобъ новой Никита имъ воспользовался! я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказалъ ли ты чего-нибудь лишняго или необдуманнаго; участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону—а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А., что обо мнѣ намѣрены переложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря—чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ—онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копейки денегъ въ минуту нужную, я незнаю когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать

мой стихи вмѣсто того чтобы читать ихъ на ужинахъ, и украшать ими альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ—если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ Августѣ поздравляю мой милый—будь счастливъ, хоть это чертовски мудроно — Цалую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига.

23 іюля

П. А. уѣхала и я одинъ.

За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь-ли на чувствительность...?... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь не должно лишать способствъ къ поддержанію жизни. Слова достойны ума свѣтлаго и челоувѣколюбиваго!—Чѣмъ болѣе читаю Тацита тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

(Безъ подписи. На четвертой страницѣ: «Б. Дельвигу»).

Письмо это относится къ 1825 г. Отрывки его напечатаны въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 170, 171 и 224, изд. 1873 г., стр. 161, 162 и 237).

П. А.—Прасковья Александровна Осипова, сосѣдка Пушкина по имѣнію, владѣлица Тригорскаго. О ней говорится въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 121, изд. 1873 г., стр. 114).

Свадьба Дельвига была 30 октября 1825 года.

IV.

Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази что я въ глуши ровно ничего незнаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до сыта. Конечно я ни въ чемъ не замѣшая, и если правительству досугъ подумаль обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ

какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному Царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ—но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи—напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14 декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было я желалъ бы *вполнѣ* и *искренно* помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны ни односторонни—какъ фр. трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай душа моя.

Пушкинъ.

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ, но сдѣлай такъ, чтобъ прежде вел. поста они находились опять у Плетнева.

На четвертой страницѣ адресъ: „Милостивому Государю Барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургѣ, въ б: мильонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ“.

Это письмо писано въ началѣ 1826 г., изъ Михайловскаго, доставлено не по почтѣ, и печатается въ первый разъ.

V.

Милый баронъ! вы обо мнѣ беспокоитесь и напрасно—Я человекъ мирный. Но я беспокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было понапрасну—Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Несомнѣваюсь въ его политической безвинности—но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна—Узнай гдѣ онъ и успокой меня.—Прощай мой милый другъ.

II.

(На четвертой страницѣ: «Барону Дельвигу»).

Письмо это писано изъ Михайловскаго въ началѣ 1826 г., и впервые является въ печати. Отвѣтъ Дельвига напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 г., кн. II, стр. 503. Приводимъ изъ него нѣсколько строкъ, разъясняющихъ это и слѣдующее за симъ письмо Пушкина: „Милый мой Пушкинъ! До тебя дошли ложные слухи о Раевскомъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ слѣланъ членомъ Совѣта. Нашъ сумасшедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились объ немъ, такъ какъ должно было ожидать всѣмъ знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ соизсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ Славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыя жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы вѣрно кому-нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михаила Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ... По письму твоему примѣтилъ я, что ты изволишь на меня дуться, быть можетъ, за долгое мое молчаніе“...

На это письмо Пушкинъ отвѣчалъ слѣдующимъ, писаннымъ, судя по его содержанію, 20 іюля 1826 г.:

VI.

Мой другъ Баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ.

Io hūmen Нуменаеe iо,
Io hūmen Нуменаеe!

т.-е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери— Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: Апостоль Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня Баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что Тевтонъ Кюхля не былъ Славанинъ—а охмѣлялъ въ чужомъ пиру. Повѣденіе Вел. Кн. Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Ив. Пущинъ? мнѣ сказывали, что 20, т.-е. сегодня участь ихъ должна рѣшиться—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость Царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большого подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ превебечь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Ж — и жду отвѣта. Покамѣсть я совершенно одинъ. Пр. Ал. уѣхала въ Тверь, сей часъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности разказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусарь, Эда и самъ поэтъ всякой говорить по своему. А описанія Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!—Видѣлъ я и Слѣпушкина, нуль-то никто ему не поправилъ *Святки*, *Масленицу*, *Избу*? у него истинный свой талантъ; пожалуйста пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.—съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою. Жду Цвѣтовъ.

(Безъ подписи. На четвертой страницѣ: «Дельвигу»).

Конецъ этого письма со словъ „Пр. Ал. (Осипова) уѣхала въ Тверь“ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г. стр. 163, изд. 1873, стр. 155). Кюхельбеверь и Пуццинь, о которыхъ въ немъ упоминается,—декабристы, лицейскіе товарищи Пушкина. О нѣжной дружбѣ его съ обоими свидѣтельствуетъ множество стихотвореній.

VII.

Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія—Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо и отъ Заикина съ увѣдомленіемъ о продажѣ *Стих. А. П.* и съ предложеніями—Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пѣснь уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? и такъ погодимъ съ новымъ изданіемъ, время не уйдетъ, все перемѣлится—будетъ мука—тогда напечатается второе, добавленное, исправленное изд. (однако скажи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія по случаю моихъ Стихотв? или это одни твои предположенія?). Знаешь ли? ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайнѣй мѣрѣ ихъ переписать, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякой разъ, какъ я объ нихъ подумаю, или прочту слово въ журн., у меня кровь портится—въ собраніи же моихъ поэмъ для новинки помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ *Верро*, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Ж. въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ.—Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить

свободу отъ Ж., а не отъ другаго—впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи? Въ моемъ Борисѣ бранятся по м..... на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго полу.

Прощай мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Они мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Д.

(Письмо на полулистѣ, безъ подписи и адреса).

Небольшой отрывокъ этого письма со словъ „Знаешь-ли?“ до „Жду отвѣта“ напечатанъ въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (изд. 1855 г., стр. 130, изд. 1873 г. 124 стр.). Оно писано изъ Михайловскаго, и отнесено г. Анненковымъ къ 1824 г.; но означеніе года неправильно, потому что стихотвореніе „Андрей Шенье“ написано въ 1825 г., а „Стихотворенія“ Пушкина изданы въ 1826-мъ. Сопоставленіе годовъ, упоминаемое въ письмѣ ходатайство у Жуковскаго и полученіе въ Псковѣ 3 сент. 1826 г. дозволенія Пушкину пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ, приводятъ къ заключенію, что письмо написано въ половинѣ 1826 г. „Повѣсть въ родѣ *Verro*“ Байрона, по мнѣнію г. Анненкова,—„Евгеній Онѣгинъ“, но и это едва ли правильно, такъ какъ, независимо отъ несходства этихъ двухъ произведеній, „Евгеній Онѣгинъ“ въ 1825 г. уже былъ извѣстенъ по отрывкамъ, напечатаннымъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 г. (стр. 280) и по отдѣльному выпуску первой его главы. Вѣроятнѣе, что упоминаемая повѣсть — „Графъ Нулинъ“, написанная въ концѣ 1825 г.

VIII.

Посылаю тебѣ, Баронъ, Вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный Вассаль не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами, т.-е. бурлаками, то въ замкѣ твоёмъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолятъ круглой годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло—и кого надлежитъ душиить, Полевова или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это беспокоитъ меня, ибо я все таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?). Скажи Плетневу, что онъ

